
Верное слово вертится на языке –
дразнящем шелковом лепестке
шумного и неуемного выпускника-июля.
Кружится в медленном танце моя голова,
плохо уложены мысли – дрова, зола,
солнца и зноя тающая пилуля.
Клюква и кривда кривляющейся Москвы,

тесно сжимающие кольца ее и рвы,
в ад опускающий ласково эскалатор.
Скроен по мерке, да криво сшит
из алфавита столичного манускрипт,
только тоннели и переходы мне узковаты.
Села, повытерлась бордюров твоих джинса,
долгие руки у твоего отца
к горлу стекаются пальцами-ручейками.
Тянущий и леденящий звук,
облако тихо гудящих мух –
это Москвы мегатекст концентрируется над нами.

Относимся к лету легче –
Допустим, прохладный вечер.
Ветер целует плечи.
Легче. Намного легче.
Не надо давить на форте.
Графические офорты,
Немного штрихов пастели.
Скамейки, а не качели,
Тропинки, а не аллеи.
Мерцают, а не алеют
Пятна неярких красок.
След от тебя размазан.
Тише. Как можно тише.
Сможешь сквозь боль услышать
Крики далеких чаек:
Что-то нам обещают.
Встречу, надежду, радость –
Что там на дне осталось.

«Не трогай бесхозных предметов
на склоне июльского дня».
Всю молодость помню об этом,
себя за поспешность кляня.

Всю жимолость помню об этом.
Сознание спешит за бытём.
Чужие скучают предметы
в заброшенном сердце моём.

Сжимает ладонь нажитое.
Сквозь пальцы уходит в песок
тягучее время густое,
твердеет под взглядом сосок.

Эротики мрачные шутки,
терзаний тупые ножи.
Ну хочешь, возьми на минутку.
Но после назад положи.

Жизнь удавалась, моя радость!
Под руку ласкалась, ласкалась.
Нам так по набережным шлялось!
И всем прощалась эта шалость,
целуемость, и обнималость,
и безрассудство, и усталость.
На самом дне – такая малость,
такое счастье оставалось.
При ясном дне – ночная слабость,

случайность, чаемоть, банальность,
предельность, нежность и бескрайность.
Реальность или нереальность.
И благодарность.
Благодарность.

ложноножки свои втяни
убери присоски
здесь плюс сорок в тени
и в занозах доски
будь отшельницей
стань воронкой
уходящей во тьму
черной нитью тонкой
видишь сон
разварившийся рис
маринованный дайкон
обложили со всех сторон
ни вверх ни вниз
неосуществимый каприз
лиса догоняющая свой хвост
кружащаяся оса
чтобы сделать один поворот
от несчастья к счастью нужны глаза
а вернее взгляд направленный внутрь
принимая и возлюбя
как будто я
глубоко
вдохнула тебя
в себя

Ветка яблони клонится ниц.
Солнце спелое катится к краю.
Воробышка присел на карниз
и чирикнул: «Навек улетаю».

Слишком быстро – румяный налив
по тарелочке, по ободочку.
«Ну куда ты?» – шепчу, отпустив
мою взрослую веточку-дочку.

Можно я буду звать тебя Абсолют?
Но не в смысле спиртного, а в смысле предела.
Прости, что так панибратски. Во мне пузырится брют.
Иначе никогда не сказала бы, что хотела.
Ты как все мои бывшие. Плачу по ним, как напьюсь.
Наутро же скепсис, ирония и волны головной боли.
Ну вот опять рваный ритм, о бродская Русь.
Для твоих стихов, Абсолют, я голый подопытный кролик.
Господи, ты сажаешь мне в душу живой росток.
Нежный и жесткий, он прогрызает там сердцевину.
А когда особенно нужно, чтоб ты помог,
я стучу кулаками в твою молчаливую спину.
Слышу, как ты смеешься, ведь я для тебя червяк
и одновременно строптивая девочка, любимая дочка.
Ну и пусть, Абсолют, мне нормально и так.
Господи, пусть ты будешь. Мне этого хватит.

И точка, точка.

Сумятица слов – нерасчесанный шелк,
леска затянута в вечный комок,
провод завязан мертвым узлом,
нитки запутаны черным котом.

Углы и узлы, никаких перспектив.
Нет прямых линий – изгиб и извив.
Сумерки, еле сквозь мглу разберешь
правду и ложь.

Хочется ясности – пыль на руках.
Вечер горчит, как какао с корицей.
Сны оседают в весенних садах,
люди мечтают друг другу присниться.

Розовый мир, он прозрачен насквозь.
Звуки чисты, как намокшие листья.
Мыслей и чувств вызревающих дождь
жаждет на душу сухую пролиться.

Слово из шести букв
всюду твои печальные пчелы
твои неистово кричащие знаки
до бровей твои черные челки
за ноги кусающие собаки
жалящие звонки смартфонов
режущие листы бумаги
без жалости твои закидоны
без правил жестокие драки

Слово из шести букв
крошащиеся твои зубы
отложенные в кости соли
отутюженные твои правдолюбьи
паленые твои алкоголи
внезапные твои остановки
обглоданные твои останки
ношенные твои обновки
гноящиеся твои ранки

Не смотри туда, не смотри.
Там крапива глазу, резаный лук,
Колдовские мыльные пузыри
И Матиссов «Танец», кровавый круг.
Там конец пути, водопад, обрыв.
Там под спудом счастья лежит тротил.
Задержи дыхание, глаза закрыв,
И бикфордов шнур запали.
И не станет света, лишь божья тьма.
И не будет боли, но лишь покой.
Это то, что сделаю я сама.
Это то, что хочется мне самой.

сколько букв согласных в слове встреча
сколько пальцев сомкнутых каждый вечер
о плохом ни слова не говоря

кто уйти не может тот будет рядом
как заноза как неделимый атом
о плохом ни слова не говоря

носит жизнью бьет о борта разлуки
о колена гнет и ломает руки
о плохом ни слова не говоря

воробьиный чёт и вороний нечет
туз кленовый под ноги беспечно мечет
о плохом ни слова не говоря
сдавшись милости октября